

Там, где слышно воду

Яшви Садхир

Они с Сонгцэном больше не разговаривали вечером. Яшви, как и хотела, провела весь вечер лежа в горячей ванне с закрытыми глазами, и даже спать легла позже, чем Сонгцэн. Ей нужно было это время провести наедине с собой, чтобы постараться разобраться в себе. В какую-то минуту ее посетило совершенно дурацкое желание сбежать - наскоро одевшись, ничего с собой не взяв, просто уехать - но Яшви откинула эту мысль. Куда бы она сейчас ни поехала, она все равно все потащит за собой, и это ей не поможет. Нужно было как-то жить дальше, наверное, как обычно плыть по течению, смириться, постараться забыть, как бы больно ни было понимать, что слабая девочка, в которую кидали камни, называя бокши, которую продали, потому что она не хотела выходить замуж, и купили просто из жалости, всегда будет сидеть внутри, что бы она ни делала. Яшви считала, что должна злиться или хотя бы плакать, чтобы все это отпустить, но злости не было, а глаза по-прежнему оставались сухими.

Выехали рано утром, едва едва только солнце поднялось, после плотного завтрака. По-крайней мере, подумала Яшви, хоть еда и встает поперек горла, она все равно заставляет себя есть, потому что это необходимо. Дорога была незнакомой и шла все время в гору, петляла серпантинном. К тому же места были явно не хоженные.

Яшви молчала и смотрела на дорогу между ушами Ворона, направляя его коленями, чтобы тот шел ровнее. Солнце палило, несмотря на то, что еще только заканчивалась весна.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Аббас упрямо шел по дороге в горы, иногда переходя в галоп, когда подъем был слишком крутым. Дорога была долгой, и от жары спасало только то, что утром Солнце не начало палить в полную силу. Сонгцэн накинул на голову белый капюшон, чтобы не было слишком жарко.

- Обычно мы ходили туда пешком, - сказал он. - Часть подготовки воинов кланов.

Жеребец споткнулся, но все же пошел дальше, не хромая. Теперь они шли вдоль ручья, и копыта коней громко стучали по черным камням. Аббасу было тяжело, но он шел первым, стараясь не показывать усталости. Сонгцэн не брал с собой хлыст, который только мешался в руках: жеребец и без того хорошо его слушался.

- Я думаю о том, что мог бы тебе подсказать, и понимаю, что ничего, - сказал Сонгцэн. - А ключи Воды ты знаешь и так.

Они вышли на тропу вдоль берега ручья. Здесь было довольно прохладно, благодаря тени от соседнего склона горы.

Яшви Садхир

Яшви сначала промолчала. Ворон обошел крупный валун на берегу ручья, но не

старался обогнать Аббаса. Дорога была незнакомой, и Яшви предпочитала держаться позади. Ворон, как и она сама, не привык к походам по горам - воздух здесь был холоднее, и дышать было сложно.

- Тогда не стоило ехать так далеко, - ответила Яшви. - Можно было поехать к озеру Фева.

Она задумалась об экзамене. Подготовка к нему все откладывалась, как и он сам, на неопределенный срок. Она не могла решить, какие дисциплины вынести на сам экзамен - Яшви обладала крайне ограниченным набором способностей, который могли бы ей пригодиться в бою, кроме стрельбы из лука. Даже с магией воды все было очень непросто, теперь она вообще сомневалась, что ей стоит замахиваться на магию. С превращениями тоже было не все гладко - она до сих пор не превратилась. Может, стоит выбрать что-то немагическое, но и тут Яшви не знала, в какую сторону смотреть. Иногда ей казалось - в последнее время все чаще - что она замахнулась на недостижимое.

- Я их знаю, но не понимаю. Что значит гибкость? Где гибкость, а где упрямство? Если вода точит камень, значит, она не гибкая? Как можно прожить и принять эмоции и воспоминания, которые не хочешь принимать?

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн толкнул Аббаса пятками, чтобы тот пошел вброд через мелкий ручей. Он уже давно не брал с собой хлыст, конь слушался и без этого.

- Упрямство - это идти к своей цели, - сказал Сонгцэн. - Гибкость - способность обходить препятствия на пути. Стала бы вода точить камень, который может обойти? Куда ты денешь эмоции и воспоминания, которые все равно есть? Иногда для того, чтобы идти дальше, нужно сказать, что да, они существуют.

Солнце палило, но чем выше они поднимались, тем меньше чувствовалась дневная жара. От ручья было прохладно, горные склоны порой бросали на дорогу тень.

- Я знаю, что тебе сейчас тяжело, - сказал Сонгцэн. - И у меня мало ответов. Поэтому я хочу, чтобы ты сама могла услышать то, что говорит Вода. Напрямую, а не в моем неумелом переводе.

Яшви Садхир

Яшви угрюмо замолчала и придержала Ворона, чтобы он немного отстал от Аббаса, пока тот переходил через ручей. Она смотрела на воду, которая весело журчала, стекая по каменистому руслу, берег которого был усыпан чуть более крупными валунами.

- Она ничего не говорит, - вдруг зло сказала Яшви, - какой ей дело.

Она испытала одновременно и удовлетворение, и какое-то глупое ощущение собственной неумности, когда заставила Ворона перейти ручей, словно ей должно было стать легче от того, что конь топчет воду копытами. Яшви прекрасно понимала, что это просто невероятно по-дурацки. Как тот римский император,

который велел бить плетью воду, разозлившись на нее.

Может быть, поэтому она и не понимала воду, потому что не умела ее слушать. Или никогда не пыталась в той мере, в которой это необходимо для того, чтобы ее понимать. Яшви приходила на берег, смотрела на воду и считала, что ей становилось легче, потому что кроме воды у нее больше не было никого, к кому она могла бы прийти. Но вряд ли вода когда-нибудь ей что-то говорила.

- Я уже не знаю, куда мне идти дальше.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мы состоим из энергии стихий, - ответил Сонгцэн. - Они знают больше нас.

За горной тропой был подъем по камням вверх, туда, где уже холодно и трудно дышать. Сонгцэн повел Аббаса вперед, и тот остановился у небольшой поляны на берегу кристально-чистого горного озера. Вода здесь была ледяной и прозрачной. Сонгцэн спешился, ослабил подпругу и зацепил повод за стремя.

- Мы пришли, - сказал он. - Сегодня это озеро - твоё. Я буду ждать здесь.

В прозрачной воде мелькал косяк рыб. Подальше была видна довольно крупная форель, поймать которую без снастей было непросто. Берег колосился изумрудно-зелеными травами, а горные склоны пахли сапфировым чабрецом. Аббас сразу пошел щипать траву, а Сонгцэн забрал к себе флягу из седельной сумки.

Яшви Садхир

Яшви снова промолчала, потому что ей нечего было ответить. Она подпихнула Ворона пятками, хотя в этом не было никакой необходимости - послушный воронок шел вперед и без ее понукания. Яшви одновременно и злилась и пыталась понять Сонгцэна. Он с детства привык к магии, наблюдал, как ею пользуются другие, пользовался сам, с детства изучал стихии. Пусть магию воды не с самого начала, а уже позже, но для него она была такой же обыденной стороной его жизни, как для Яшви - жестокие непальские традиции, от которых отказались почти везде, кроме ее родной деревни. Она не понимала, как стихия может знать лучше, как эта магия может отвечать, если она говорит не голосами умерших. Шаманизм был ей понятен, потому что он говорил. Стихия же молчала, ее нужно было интуитивно понимать, чувствовать и принимать.

Они, наконец, приехали. Дышать здесь было непросто из-за разреженного воздуха, к которому она не привыкла. Яшви размяла ноги и ослабила подпругу Ворону, затем взглянула на озеро. В воде отражалось небо, и цвет был не таким ядовитым, как в купальнях. Здесь ей нравилось больше, несмотря на ощутимую прохладу и ветер, который трепал волосы.

- Ты можешь пойти со мной, - предложила Яшви, обернувшись к Сонгцэну, когда поняла, что он собирается остаться здесь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я не хочу тебя отвлекать, - ответил Сонгцэн.

Он разулся, закатал штаны и подошел к озеру. Оно было прозрачным и очень красивым. Он подошел к самому краю воды. На тренировках они добирались сюда, уставшими до полуобморочного состояния. Жадно пили, умывались. Лежали на берегу, затем забирались в воду, чтобы смыть пот и отдохнуть.

- Представь что было бы, если бы других людей вообще не осталось. Никого. Ни меня, ни того шакала. Что бы ты сейчас чувствовала?

Он не чувствовал никакой неприязни к Яшви из-за произошедшего. Он боялся за неё. И очень хотел, чтобы внутри себя она тоже отпустила. Никто при нём не винил её в произошедшем. Он был на её стороне. Его семья не знала ничего. Лисы заплатили большую цену за победу над шакалами.

Яшви Садхир

Яшви сейчас сама себя не могла понять, поэтому не могла сказать с точностью, будет ли Сонгцэн ее отвлекать или нет. Она не могла сказать, мешает ли он ей, но склонялась к мысли, что нет. Без него она начинала нервничать, но и в его присутствии не могла больше чувствовать себя также свободно, как раньше. Она как будто вернулась обратно в тот знойный летний день, который, как ни старайся, из памяти никак не вытравить - узкий проулок, раскаленная земля, взгляды проходящих мимо мужчин и торги. Она - вещь, и принадлежит тому, кто за нее заплатил больше других, и теперь ей казалось, что это будет преследовать ее всегда.

Яшви сняла скапоги для верховой езды и наступила на густую траву, обильно покрывавшую берег. Она немного замешкалась перед тем, как раздеться, но осталась в рубашке - ей почему-то не хотелось, чтобы Сонгцэн видел ее обнаженное тело. Конечно, она тут же замерзла.

- Облегчение, - призналась Яшви после недолгого раздумья. - А потом страх. Быть одной страшно.

Она стала доставать из седельных сумок полотенце, но руки ее не слушались от дрожи, и Яшви вдруг почувствовала, как щеки обжигает слезами.

- Не хочу быть вещью, - срывающимся голосом добавила она. - С которой можно делать все, что хочется. Продавать, унижать или бить. Я не вещь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн смотрел на Яшви. Он ждал, что она сможет сама почувствовать то, о чем говорила Вода. И в то же время боялся того, что она могла сейчас ощутить. И он заметил, что эмоции настигли её даже раньше, чем он мог ожидать.

- Ты - не вещь, ты это знаешь, - ответил Сонгцэн. - И тебе больно из-за того, что кто-то снова заставил тебя чувствовать иначе. Он мертв. Ты - не вещь. Ты человек. Как я. Как отец, мама, дед, Алахчит-хаан. Важно знать правду, а не то, что говорят другие. Ты - свободный человек, для себя самой. Я - свободный человек, для себя

самого. Для кого-то я - китаец, человек из отсталого племени, которое не знает, что такое мобильные телефоны. Непалец, горец, кто угодно. Мне плевать, мне достаточно того, что я знаю себя самого. Посмотри в озеро, ты тоже знаешь, кто ты есть. Мы не непобедимы. Мы не бессмертны. Но это не лишает нас ценности. И свободы.

Яшви нужно было сделать еще один шаг с тех пор, как он выкупил её на рынке. Сейчас ей было плохо из-за того, что несколько шагов она уже сделала. Она шла к своей свободе. Он не знал, как еще ей помочь, но знал, что она на правильном пути.

Яшви Садхир

Яшви яростно стерла с лица слезы, как будто это они были виноваты в том, что она чувствует. Она привыкла не плакать и не жаловаться, зная, что родителям не было дела до того, что она чувствует, но невозможно держать все в себе. Она знала, что Сонгцэн волнуется, что его действительно интересует то, что с ней происходит, но не могла отделаться от нерациональной мысли, что в произошедшем была и ее вина. Она должна была что-то сделать, как-то избежать, не позволить вновь себя опустить, не возвращаться обратно, к самому началу, от которого так старательно уходила. Она принцесса, жена принца клана Королевских Кобр, непальская бокши, которую проклинают и опасаются, монгольская удган, слушающая мертвых и.... отчаянно боящаяся живых. Сейчас она чувствовала себя слабее любой деревенской девочки, единственная радость которой была в том, чтобы поесть досыта и избежать брошенного в нее камня. Даже тогда у нее было больше уверенности, что она заслуживает лучшего.

Она отцепилась от седельных сумок, так и не совладав с застежками и не достав полотенце, и обернулась к озеру. Она вспомнила, как ей говорили, что она может отравить воду, и потому ей нельзя было подходить к реке вместе с остальными. Теперь она знала, что это всего лишь домыслы, но почему они сейчас казались ей такими правдивыми? Ей вдруг захотелось снова ударить воду, чтобы ей тоже было больно, чтобы по поверхности пошли беспокойные волны, чтобы она перестала быть такой безучастной, но вместо этого Яшви просто пошла к воде, и дальше, глубже, не обращая внимания на обжигающий холод, мгновенно обнявший голые ноги и проникший, кажется, до самых костей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн стоял неподалеку от берега, чуя сковывающий лед горной воды, и наблюдая за Яшви. Он знал не больше, чем она. И чем эта ледяная вода горного озера. День был жарким, но сейчас это было сложно ощутить. Сонгцэн молчал. Мелкая рябь отражала блики солнечных лучей, чем слепила его уже получившие возможность видеть в темноте глаза. Внешне он был человеком, по натуре уже стал наполовину львом. Сонгцэн щурился и старался не смотреть на слишком яркие блики.

Он надеялся, что Яшви услышит стихию. Он не мог подсказать ей что-либо большее, только быть рядом. Каждый понимает стихийную магию по-своему. И вода в бассейне забвения не стала понятной для Яшви. Может эта, ледяная. агрессивная, слишком ярко отражающая Солнце, слишком агрессивно отрицающая его жар, могла достучаться до её чувств.

Сонгцэн набрал воду в пригоршни и умыл лицо. Вода чуть заметно пахла песком, но была чистой. Намного чище, чем в озере Фева.

Яшви Садхир

Дыхание перехватывало, а ноги немели, но Яшви упорно шла вперед, помогая себе руками, словно это как-то могло раздвинуть воду, которая не желала отступать от ее тела, промораживая насквозь. Но ей словно того только и нужно было, может быть, чтобы вода заморозила, наконец, все то, что она чувствовала, и Яшви смогла бы разбить это ударом кулака, как разбивают лед на тазу с водой в Монголии, когда приходят зимние морозы. Тогда ей стало бы легче.

Вода дошла уже до пояса, рубашка прилипла к телу, от этого ничуть не становилось теплее, но Яшви все шла вперед. Дно было каменистым, между галькой попадался песок, мелкие рыбешки безбоязненно подплывали ближе, заинтересованные переполохом, но тут же бросались врассыпную. Он бликов болели глаза, но от этого тоже становилось легче. Яшви не знала, что хочет услышать. Ей все еще казалось странным слушать воду, ведь она молчала. Наконец, когда вода коснулась груди, Яшви набрала побольше воздуха и нырнула, погружаясь в прозрачную толщу. Уши заложило.

И вот тогда она услышала. Вода не молчала, она шумела вокруг, уютно обволакивая этим шумом - проплывающий мимо косяк форели, бьющие подводные родники, стук камней на дне и даже то, как Яшви двигалась в воде, все это создавало вокруг нее кокон, в который хотелось завернуться, спрятаться, как еще нерожденный ребенок прячется в утробе матери, погруженный в убаюкивающий шум окружающих его вод. Глаза щипало, а в легких не хватало воздуха, но Яшви держалась до последнего, не желая так скоро выныривать на поверхность. Только когда желание вдохнуть стало невыносимым, она вытолкнула себя наверх, шумно хватая воздух ртом.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн стоял в стороне и наблюдал за тем, как Яшви заходила в воду. Он видел, что ей плохо, что ей сложно справиться с собой, что она дрожит, и собственные руки её не слушаются. Он подошел к Ворону, похлопал коня по шее, чтобы тот не испугался, затем открыл седельную сумку, с которой не справилась Яшви, и достал полотенце. Подошел к краю воды и стал всматриваться в озеро, пытаясь разглядеть нырнувшую под воду девушку. Её не было довольно долго, но он знал, что не должен был вмешиваться. Яшви вынырнула. В её разговоре со стихией Воды он сейчас был лишним и мог только помешать, он должен был находиться рядом, но не лезть, пока Яшви не почувствует сама.

Сонгцэн видел, как оранжевая энергия стихии вплетается в ауру Яшви. Они договорятся. А он думал о том, что сам хотел бы сказал девушке. Ему казалось, что он нашел правильные слова, которые она могла услышать и принять.

О том, что Яшви, которая сейчас слышала стихию Воды, была куда большим, чем человек, которого мог оскорбить или унижить поступок шакала. Или которого могла бы возвысить любовь принца Королевских Кобр. Все эти отношения были несущественными на фоне того, что буддисты называли шань - бессмертной душой,

частью абсолюта.

Яшви Садхир

Она почти не чувствовала рук и ног, но не торопилась выбираться на берег, как будто все еще надеялась, что эта боль от ледяной воды сделает ее чище, но на самом деле Яшви одновременно сильно хотелось и согреться, и не покидать воды.

Это было непривычное для нее чувство безусловной любви, которую она никогда на себе не ощущала - когда любят не за красоту, удобство или послушность, а независимо от всего этого. Со всеми недостатками, эмоциями, чувствами и мыслями, окружая мягким, уютным шумом, который вытесняет все непрощенное. Вода принимает все, если ей позволить и не держать в себе. Воде не обязательно говорить, чтобы ее понимать. Как Яшви всегда приходила к реке, чтобы молчать, так и сейчас она ни сказала ей ни слова, но ей казалось, что это и не потребовалось.

И Яшви была благодарна воде за то, что сейчас не понятно, где влажные капли от волос, налипших на ее лицо, а где - ее собственные слезы, которые она уже не могла сдерживать, как бы ей того ни хотелось, пока она медленно приближалась к берегу, окончательно замерзнув. Она жалела, что все так случилось, но в том не было ее вины. Она пыталась спасти брата. Быть может, в ней не было столько лисьей гордости, но если бы ей снова пришлось выбирать между своей гордостью и жизнью брата, она не задумываясь бы повторила свой поступок. Гордость ничего не значит, когда от нее могут пострадать те, кто тебе дорог. Она и так уже достаточно потеряла.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн стоял на берегу и ждал. Вода в озере была ледяной, Яшви наверняка замерзла, но она не спешила выбираться на берег, а он считал, что не должен её торопить. Он хотел, чтобы она разобралась в себе и поняла, что в произошедшем с шакалом не было никакой её вины. Это было решение, принятое не ей, в ситуации, бывшей безвыходной либо для неё, либо для Алтана. Истинный виновник был уже мертв, хотя Сонгцэн все еще не мог отпустить ненависть к этому шакалу.

Яшви проделала долгий путь к тому, чтобы уважать себя. Чтобы знать, что её мнение важно. Чтобы найти своих близких, стать лисой, а не деревенской бокши, от которой отреклись собственные родители. Шакал заслуживал ненависть. И это чувство не делало Сонгцэна слабее, потому не было смысла с этим бороться.

Солнечные блики играли на поверхности воды, и рябь переливалась ослепляющими отблесками. Вода мудрая, Сонгцэн знал, что эта стихия позволяла разобраться в эмоциях лучше всего.

Яшви Садхир

Двигаться было все труднее, как будто Яшви пыталась управлять чужими конечностями, когда нога наткнулась на каменисто-песчаное дно, она даже сначала не поняла, что случилось, настолько ощущения были чужеродными и притупленными. Каждый шаг теперь уже по дну давался ей с видимым трудом. Проведенного ею в воде времени было недостаточно, чтобы что-то себе обморозить

или отморозить, но вполне было достаточно, чтобы заболеть и проваляться в постели с лихорадкой. И сейчас Яшви думала, что это ей необходимо – принять все то, что она никак не хотела принимать, а потом отторгнуть, переболеть, как серьезной болезнью, после которой просыпаешься слабым, но обновлено-живым.

Когда, наконец, Яшви выбралась из воды, ее пошатывало от холода, а зуб на зуб не попадал. Она бы не сказала, что ей сразу стало как-то сильно легче, но она хотя бы могла отвлечься от своих мыслей на свое состояние, хотя и это было не так-то просто сделать.

- Если я поступила правильно, - спросила Яшви у Сонгцэна, - почему у меня не проходит чувство, что я сделала что-то плохое?

Так сложно разобраться в себе. Жизнь в Риване была сложнее и проще одновременно. Ей не приходилось думать о каких-то сложных вещах. Ее жизнь и ее заботы были примитивными, и не было времени касаться таких сложных материй, как правильное и неправильное. Гораздо привычнее было принимать все просто на веру, полагаясь на мнение старших. Было намного проще не знать, что есть какая-то другая жизнь и может быть как-то по-другому.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Яшви замерзла. Сонгцэн подошел к ней и накинул на плечи девушки полотенце, помогая ей закутаться. Её кожа была ледяной, Яшви много времени провела в озере.

- Потому что за всю жизнь ты очень много раз слышала, что в таких ситуациях обвиняют женщину? – предположил Сонгцэн. – Мужчины – потому что хотят свалить ответственность, женщины – потому что считают, что сами в такую ситуацию не попадут. Все решения принимал шакал, все, что произошло, произошло из-за его поступков.

Он считал бессмысленным говорить, что сам никакой вины Яшви не видел. В-первых, уже и так говорил и не раз, во-вторых, речь шла о её отношениях с ней самой, а не о его мнении.

- Ты считаешь, что сделала выбор, когда приняла его условия. Но он ведь прекрасно понимал, что ты защитишь Алтана, и что выбора у тебя не было, - добавил Сонгцэн.

Яшви Садхир

Старательно кутаясь в полотенце, которое оказалось слишком маленьким, чтобы она могла завернуться в него вся, Яшви чувствовала себя так, как чувствует человек во время лихорадки. Ей было знакомо это чувство, нечто подобное она ощущала в первый день, как переступила порог монастыря. Это нужно было просто пережить, и, если она справится, затем наступит улучшение. Наверное, если думать об этом в подобном ключе, становится проще принимать и мириться. Это будет происходить с ней независимо от того, хочет она этого или нет.

- Я вижу его каждую ночь, - призналась Яшви. – Он мертв, но для меня – нет. Он смеется и не отпускает.

Она не знала, просто ли это кошмары или причудливая изнанка реальности, приправленная ее способностями. Яшви не управляла своей магией, позволяя ей развиваться так, как она сама того желает. Она не пыталась обуздать шаманизм, она существовала в симбиозе с ним, интуитивно развивая его так, как развивали его ее монгольские предки, вступая в тесную связь с миром духов и существуя между границами двух миров.

Теперь Яшви понимала, почему шаманы так редко заводили семьи – для них нет места ни в этом мире, ни в том. Цена за знания, сокрытые от глаз и живых и мертвых.

- Мне было бы проще, если бы ты считал меня виноватой.

Всю жизнь она искала одобрения и привыкла его не получать. И когда этот привычный сценарий ее жизни вдруг изменился, она не знала, что ей делать. Как будто на дороге, по которой она шла, вдруг оказался впереди тупик, и остается только повернуть назад.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не мог считать Яшви виноватой. Он никому не пожелал бы оказаться на её месте. В какой-то мере он мог винить Алтана, но его поступок был лишь поводом для шакала, а не истинной причиной. Да и действовал парень в интересах своего клана, просто не рассчитал силы. В иной ситуации и с иными последствиями ничего плохого в его поступке Сонгцэн бы не увидел.

- Если это – его дух, твои духи могут тебя от него защитить? – спросил Сонгцэн.

Он отошел немного в сторону и направил ладонь на камни там, где они не были мокрыми. Над ними взвились всполохи пламени размером с небольшой костер, который питался чистой энергией, не имея дров.

- Ты замерзла, тебе нужно согреться, пока не простыла, - сказал Сонгцэн. – Я принесу твою одежду, иди к огню.

Он мог контролировать пламя, даже если на какое-то время отворачивался от него, но все время питал его своей энергией.

Яшви Садхир

Сонгцэн ничего не ответил. Даже начини она его умолять об осуждении, он этого не сделает, потому что мир, в котором он вырос, так сильно отличается от того, к которому привыкла она. И он скорее обвинит в случившемся кого угодно, но только не ее. Яшви вытерла влажным рукавом рубашки лицо, убирая налипшие на щеки волосы, но само лицо не стало от этого сильно суше.

- Они не вмешиваются, - ответила она. – Они больше ни во что не вмешиваются. Только тогда, во время грозы.

Тогда их вмешательство стало решающим. Быть может, она вмешиваются только

тогда, когда кому-то грозит смертельная опасность, но даже Яшви понимала, что дух шакала не может причинить ей вреда. Сны от этого не становились менее неприятными. Даже многорукая тень, которая всегда виднелась на горизонте, присутствовала, но бездействовала. Они не видели в нем угрозы и потому молчали. Дух не может навредить живому человеку, это один из законов того мира, что неукоснительно соблюдается.

Яшви присела возле костра, появившегося буквально на голом месте, протянув к нему руки. Быть может, если она войдет в транс и встретится с духом лицом к лицу на ее условиях, он, наконец, оставит ее в покое. Яшви не знала, можно ли убить духа, но знала, что его можно изгнать.

- Он не уйдет, пока я думаю об этом. А я не могу не думать, пока он здесь.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн принес Яшви одежду и сапоги и сел возле нее на землю. Так ему было проще следить за костром. Он плохо понимал, как Яшви общалась с духами. Но считал, что если они должны ей за право быть услышанными, им стоило подумать о её безопасности.

- Ты намного больше, чем то, на что рассчитывал он, - сказал Сонгцэн. – Твое тело –местилище ци верхнего неба, ци нижнего неба и бессмертного шань. Твой разум способен вместить всю Вселенную. Твои руки способны стрелять из лука, писать иероглифы, держать повод лошади и перебирать мельчайшие крупы песка, чувствуя, какими шершавыми могут быть две последние, не успевшие выпасть. Твои глаза способны видеть звезды, на фоне которых любой человек – такая же песчинка. Если что-то болит, то кажется, что весь мир находится там, где боль. И все сознание тем более. Но это не так. Ты намного больше.

Пламя облизывало камни, затем стремилось ввысь, делясь своим теплом. Сонгцэн не чувствовал холода, работая с энергией Манипуры, но не был уверен, что Яшви согрелась.

Яшви Садхир

Яшви никогда не думала о себе в подобном ключе. Что тело – инструмент, добротный, крепкий, способный изнурительно работать. Не стоит придавать ему много значения и обожествлять его природу, потому что оно – низменное, нечистое, особенно когда суровые законы ее деревни предписывали соблюдать чаупади. Ей никогда не приходило в голову стесняться его или использовать для каких-то своих целей, как многие наложницы, наделенные той красотой, от которой мужчины теряют голову. И красота – это дар, который достается далеко не каждому.

И она не задумывалась о том, насколько человек в целом – удивительное творение, он больше, чем тело, которое поставили на колени. Можно сломать тело, но нельзя сломить дух.

Перед глазами все снова начало расплываться, языки волшебного костра, созданного Сонгцэном – еще одно доказательство того, насколько человек невероятен – грозили превратиться в одну сплошную оранжево-красную массу, и

Яшви, забыв о влажных волосах, опустила голову на плечо Сонгцэна. Он был горячим, и она придвинулась ближе, стараясь согреться рядом с ним.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн обнял Яшви. Вода с её волос стекала не его рубашку, он на это не обращал внимания. У огня было тепло, и он не работал с энергией Воды, чтобы собрать её с волос девушки. Было проще сосредоточиться на костре, горевшем на голых камнях.

- Ты – целая вселенная, - продолжил Сонгцэн, обнимая Яшви за плечи. – Он сделал хуже тебе, но не сделал хуже тебя. И ты намного больше, чем моя жена. Ты не вещь, которая принадлежит одному мужчине, и на которую покушается другой. Твои мысли, душа, тело принадлежат только тебе, и только ты вправе решать, что ты хочешь. И что ты вправе чувствовать, когда тебя заставляют делать то, чего ты не хочешь. Я был бы рад сказать тебе, что думать и чувствовать, но я этого не знаю. Для меня имеет значение то, что тебе плохо, что тебе сложно принять то, что случилось. И не имеет значения, то хотел сделать шакал.

Они с Яшви были воспитаны в разной среде. Ему было сложно понять, о чем она думала, и что чувствовала. Сонгцэн искал слова, которые могли бы помочь, но не знал, насколько они сейчас были правильными.

Яшви Садхир

Вода в озере была ледяной, а Яшви продрогла насквозь, что даже близость пламени и Сонгцэна никак не могли выгнать этот холод. Но, тщетно пытаясь сдержать бьющую ее крупную дрожь, она чувствовала себя намного лучше, чем все эти дни до этого. Или, может быть, этому все же способствовали слова принца, а не акт бессмысленного самобичевания.

Она вдруг вспомнила, как сплетничали наложницы во дворце кобр в день гибели Майи Тхакур. Осуждали, что она предпочла выброситься из окна, хотя могла бы остаться в живых, если бы не сопротивлялась. Так они считали. Позже Яшви поняла, что ее бы все равно не оставили в живых, но сейчас могла бы сказать, что понимает и то, почему Майя поступила именно так, а не иначе. Судьба женщин иногда может быть удивительно однообразной, будь ты принцессой, шаманкой или бедной девочкой из нищей непальской деревни.

- Сейчас я не чувствую себя вселенной, - призналась Яшви. – Я чувствую себя пустой. Мне хочется бежать и прятаться, чтобы вокруг никого не было, но одной становится еще страшнее.

Лиса прячется в нору, когда чувствует опасность. А если эту безопасную нору у нее отобрали, что она тогда делает? Делает себе новую, еще глубже и безопаснее, чем предыдущая.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Когда плохо наедине с собой, сложно найти общий язык с другими, - сказал Сонгцэн.

Он взял руку Яшви, провел пальцами по её ладони, затем соединил кончики своих пальцев с её. У Яшви были холодные руки. Она замерзла и все еще тряслась, несмотря на горевший поблизости огонь.

- Сейчас я касаюсь твоей руки, и сотни клеток начинают работать, чтобы сообщить тебе об этом. Нервные импульсы бегут по твоим рукам к спинному мозгу, оттуда к голове, куча молекул соединяется и распадается, куча импульсов скользит по длинным отросткам просто для того, чтобы сказать тебе о том, что твои пальцы чувствуют прикосновение. Ты замерзла, и миллиарды клеток и молекул сообщают твоей коже, что она должна покрыться мурашками. По старой памяти, у наших предков встала бы дыбом шерсть, чтобы стало теплее. Им это важно. Им плевать на то, насколько ты уверена в себе, их задача заботиться о том, чтобы ты была в порядке. И они хотели бы, чтобы ты тоже относилась к себе именно так, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

Это все было непросто понять. Чем больше она узнавала мир вокруг, тем сложнее он для нее становился, и тем сильнее Яшви понимала, что знает о нем ничтожно мало. И уж совсем невероятным казалось то, что она, ее чувства, ее тело – это результат работы крохотных клеточек, не видимых невооруженным взглядом, и все это работает как слаженная система независимо от нее самой. Что когда ей холодно, она будет дрожать от холода, даже если пытается эту дрожь сдержать. Что пальцы будут чувствовать прикосновение пальцев Садхира-джи, а щека – тепло его плеча.

Она смотрела на свою руку, кончиками пальцев соединенную с пальцами Сонгцэна, и видела те самые мурашки, которыми была покрыта ее кожа.

- Зачем люди такие сложные? – спросила Яшви. Ее рука была не намного меньше ладони принца, совсем не казалась изящной и женственной ухоженной ручкой какой-нибудь принцессы, которая всю свою жизнь только и делала, что вышивала шелком, и не держала ничего тяжелее чайника с зеленым чаем.

Ей стало немного лучше. Слезы на лице почти высохли, а дрожь медленно уходила, по мере того как Яшви согревалась. Рубашка была все еще сырой и противно холодной, липла к телу, но у озера, окруженного горами, не было ветра, да и полотенце, накинутое на плечи, давало хоть сколько-нибудь тепла.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн задержал ладонь перед грудью Яшви, чтобы вытянуть из одежды девушки воду, которая мешала согреться. Мелкие капли скатывались в прозрачную водяную сферу, и Сонгцэн очень хотел, чтобы вместе с ними Яшви отдала свои страхи и тревоги, чтобы освободилась от гнета мыслей, что не давали ей покоя в последнее время. Он посмотрел на то, как солнечные лучи искрились в этой сфере, состоявшей из постоянно движущегося потока водяных нитей, затем бросил воду в сторону озера. Шарик упал, не долетев до берега, и стек тонкими струями, частично пропав между камнями.

- Это дает нам возможность думать, чувствовать, жить и понимать то, что мы живы, -

сказал Сонгцэн. – Наверное, камню или кусту проще. Но нам интереснее.

Он обнял Яшви за плечи и коснулся губами её виска. Благодаря ей, он задумывался о том, что в иной ситуации никогда не пришло бы ему на ум. Они с рождения видели мир с разных углов, а сейчас те неполные и оттого неправильные изображения могли стать более точными, благодаря тому, что они учились друг друга понимать.

Яшви Садхир

- Иногда мне хочется быть как камень, - она нашла взглядом один из таких крупных камней, в изобилии пребывающих на берегу озера. Его ничего не волнует - чтобы ни происходило вокруг, он будет так же безучастно лежать на берегу этого озера, пока не пройдут годы или даже десятилетия - и в этом случае он всего лишь покроется мхом, да и только. Может быть, это действительно скучно, изо дня в день не имея возможности изменить свое существование, но, по меньшей мере, это спокойно.

- Ты думаешь, человек действительно может стать кем-то другим? - спросила она. - Что если он все равно, что бы ни делал, будет оставаться тем, кем он есть? Ведь нельзя же на самом деле превратить камень в алмаз?

Можно увезти Яшви из ее родной деревни, нарядить в дорогое красивое сари, научить читать и писать, выдать замуж за принца - но внутри это будет все та же Яшви, которой она была когда то. И, может быть, со стороны ее отчаянные попытки стать кем-то другим могли показаться жалкими и даже смешными, чего она не осознавала, получив свободу, которой у нее до того не было.

- Не надо больше, - она кивнула на огонь перед собой. - Это сложно, ты устанешь. Я согрелась.

Это было не совсем правдой, но намного ближе к правде, чем к неправде.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Огонь погас. То что Сонгцэн делал с пламенем и с Водой по отдельности, не было сложным, противоположные стихии друг другу мешали и отнимали силы. Яшви знала об этом.

- Человек меняется каждый день. Большинство клеток полностью обновляются за несколько лет, - сказал Сонгцэн. - Это не значит, что ты перестанешь быть собой или я перестану быть собой, просто то, какими мы были вчера, будет отличаться от того, какими мы будем завтра.

Камень не мог повлиять на свою судьбу. У него не было желаний, он не мог ничего изменить по своей воле. Если кто-то об него спотыкался, то вовсе не из-за того, что такова была злая воля камня. Если кто-то поднимал его, чтобы расколоть орех, то это не камень хотел помочь человеку.

- Каждая клетка нашего тела содержит особую молекулу, в которой записаны все варианты того, каким он может быть. И из этой молекулы лишь небольшая часть проявится за всю жизнь в зависимости от самых разных условий. Ни у тебя, ни у меня не будет голубых глаз, белых волос или белой кожи. Я никогда не смогу стать

высоким как Лю Юншэн или широкоплечим как Санджар из клана лис. Но буду ли я сильным в тех пределах, которые мне доступны, зависит от меня. Щебень не станет алмазом. Он ничего не сможет сделать, чтобы даже немного изменить свой цвет. А у человека намного больше свободы.

Яшви Садхир

Без огня на берегу горного озера, ледяного, словно только что выпавший снег, сразу стало не в пример холоднее. Здесь не было ветра - горы оберегали - но от воды ощутимо веяло прохладой. Яшви подтянула к себе брюки и сапоги для верховой езды. Она почти не сомневалась в том, что наутро ее посетят первые признаки простуды, как бывало всегда после длительного общения с холодной водой. Может быть, тогда к ней снова придет какое-то здоровое решение. Все же, идея уехать из клана тигров вместе с лисами в тот раз оказалась на редкость удачной. Яшви до сих пор считала этот отъезд одним из самых правильных в своей жизни, но вместе с тем ворочалось и сомнение - не уедь она, она бы никогда не познакомилась с шакалами, и всего этого не случилось. Все, абсолютно все было бы по-другому.

Она одновременно и понимала и не понимала все то, что говорил Сонгцэн. Будь у него рост выше или плечи шире, то это был бы уже не он, тот, каким он был идеальным сейчас, именно таким, каким должен быть со своим ростом и шириной плеч. Но как найти пределы или раницы того, что доступны? Где их посмотреть, как прочесть, измерить или взвесить?

- Не понимаю, кто я теперь, - призналась она. - Яшви из бедного Ривана? Яшви-Удган из клана Тибетских Лис? Или Яшви Садхир, принцесса Королевских Кобр? Я не могу быть сразу тремя Яшви.

Ее представления о свободе в очередной раз пошатнулись и разбились о неприглядную реальность. Что свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. И свобода другого может оказаться сильнее твоей свободы, так что она перестанет иметь значение.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн посмотрел, что Яшви собралась одеваться, и немного отстранился, чтобы ей не мешать. Ему не было холодно, он только что работал с энергией Манипуры.

- Ты - Яшви из Ривана. И Удган из клана Тибетских Лис. И её Высочество Садхир-джи. Одна и та же Яшви, - сказал Сонгцэн. - Кто я? Младший мастер из Линь Ян Шо, принц Королевских Кобр, потомок славного рода воинов Белых Тигров или муж Удган клана Тибетских Лис?

Человеческому разуму свойственно упрощать картину. Придумывать названия, прописывать рамки. Раскладывать по полочкам до состояния "все понятно". Но Радж не раз говорил Сонгцэну, что как только все становится понятно - ищи ошибку, ты точно неправ.

Жизнь намного сложнее, чем способен постичь человеческий разум. Воображение человека неспособно даже выстроить четырехмерное пространство, добавив время к трем привычным глазу. Что говорить о таких сложных вещах как самоопределение.

Легко сказать: эти - плохие, те - хорошие, так правильно, а эта дорога, вымощенная желтым кирпичом, приведет в Страну Оз. Но стоит снять зеленые очки, и изумруды становятся стеклом.

Яшви Садхир

Яшви начала одеваться. Она надеялась, что у озера ей станет легче и понятнее. Ей действительно стало легче, по-крайней мере, пропало ощущение запятнанности, собственной опороченности, то, что произошло, не сделало ее хуже или лучше, но оно определенно сделало ее другой. И все стало только запутаннее, потому что Яшви не знала, кто теперь эта другая Яшви. Неужели ей придется проходить весь путь заново?

- Не то, - она поморщилась, поняв, что они с Сонгцэном говорят о несколько разных вещах. Точнее, имеют в виду несколько разное. Яшви, с детства привыкшей к примитивному образу мышления, получив новые социальные роли, с трудом понимала, как их между собой соединять в единое целое. Сначала она была Яшви из Ривана, это было просто и понятно. Привычно. Затем она стала Яшви-Удган, и, если поначалу это казалось странным, то к этой роли удалось все же привыкнуть. Потом уже пришлось стать Яшви Садхир, и в этой роли она до сих пор чувствовала себя скованно. И, принимая новую социальную роль, Яшви приходилось отказываться от старой в угоду новой. Она не понимала, как она может быть одновременно Удган вдали от своего клана и принцессой кобр здесь, в месте, которое встретило ее настолько враждебно, что даже спустя столько времени она не могла отпустить напряжение, сковывающее ее спину всякий раз, когда она возвращалась в резиденцию. И если раньше ей было более всего комфортнее в роли монгольской Удган, то сейчас у нее не было и этого.

- Я везде чувствую себя чужой. Неуместной. Я примеряю на себя эти имена и они мне кажутся не моими. Я не знаю, как объяснить. Как дух, который не может остаться, но не может и уйти.

Она вздохнула. Все это было слишком сложно.

- Нужно возвращаться, - наконец решила она, поднимаясь на ноги.
